

Двери в темное прошлое

Автор:

Екатерина Островская

Двери в темное прошлое

Екатерина Николаевна Островская

Следствие ведет Павел Кудеяров #2Татьяна Устинова рекомендует

Марина считала себя счастливой женщиной, ведь у нее такой замечательный муж – любящий, заботливый, верный и вдобавок щедрый! Валентин сделал супруге потрясающий сюрприз – привез ее в огромный загородный дом, который он приобрел в роскошном поселке. Тихое чистое место, интеллигентные соседи – известный писатель, молодой компьютерный гений, рэп-исполнитель, глава банка. Кто же мог предполагать, что в этом райском местечке произойдет преступление! На местном празднике застрелили банкира, и теперь под подозрением все жители элитного поселка...

Екатерина Островская

Двери в темное прошлое

© Островская Е., 2019

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2019

* * *

Екатерине Островской в детективных романах удается одинаково живо и колоритно описывать и европейское Средиземноморье, и дождливый Питер, и узбекскую пустыню – а это признак большого мастерства писателя, не ограниченного условностями и опасением ошибиться. У Островской виртуозно получается придумывать невероятные, выдающиеся, фантастические истории, в которые точно можно поверить благодаря деталям, когда-то верно замеченным и мастерски вживленным в текст.

Но Екатерина Островская не просто выдумывает и записывает детективные истории. Она обладает редкой способностью создавать на страницах своих книг целые миры – завораживающие, таинственные, манящие, но будто бы чуточку ненастоящие. И эта невсамделишность идет произведениям только на пользу... А еще все книги Островской нравятся мне потому, что всю полноту власти над собственными выдуманнами мирами Екатерина использует для восстановления справедливости наяву.

Из романа в роман Островская доходчивым и простым языком через захватывающее приключение доказывает нам, что порядочность, отвага, честность и любовь всегда победят ненависть, подлость, злобу и алчность. Но победа легкой не будет – за нее придется побороться! Героям Островской – самым обыкновенным, зачастую невзрачным, на первый взгляд ничем не примечательным людям – приходится сражаться за свою жизнь, преследовать опасного преступника, а потом героически, зачастую на краю гибели, давать последний бой в логове врага без видимых шансов на успех, и... брать верх, одерживая полную победу. «И в этой попытке многократной рождается клинок булатный»: закаляется характер, простые люди становятся сильными, бесстрашными и по-настоящему мужественными героями.

Татьяна Устинова

Часть первая

Памяти Анатолия Иванена – замечательного поэта, истинного «славянофинна»

От автора

Глава 1

Утром проснулись рано. И впервые за долгое время в одной постели.

Проснулись одновременно, хотя Валентин, может быть, чуть раньше. Марина открыла глаза и увидела, что муж на нее пристально смотрит. Хотела его о чем-то спросить, причем тот вопрос пришел к ней давно, вполне может быть, она хотела его задать еще ночью, может, даже во время сна. Но что же ей такое могло присниться? Она попыталась вспомнить сон, но не получилось.

Солнце слепило глаза.

Марина хотела попросить задернуть штору, но Валентин сам вдруг резко поднялся, словно прочитав ее мысли, подошел к окну, но остановился. Начал наблюдать за тем, что было там – в новом и не изученном пока пространстве.

Марина смотрела на его тело, на бугры мышц на руках и спине. Вспомнила, что его тело было другим, когда они только познакомились, Валентин и тогда был крепок и жилист, как-никак определенную часть своей жизни он работал с бензопилой, срезая стволы вековых деревьев. Но теперь он смотрится совсем иначе.

Муж почти каждый день посещает фитнес-клуб. Направляясь домой, заходит обязательно, даже на час, успевая за это время попотеть на тренажерах, а потом смыть усталость в душевой.

Иногда они ходили в зал вместе. Марина вставала на беговую дорожку или садилась на велотренажер, а Валентин неподалеку, лежа, выжимал штангу.

– Что тебе этот сантехник вчера сказал? – вдруг спросил он, продолжая смотреть в окно.

– Ничего, – удивилась она, – он вообще молчаливый какой-то. Молча подключил котел и удалился. А почему ты вдруг вспомнил?

– Мне он не понравился, – ответил Лужин, – какой-то он мутный. Очень похож на одного человека, который принес мне много неприятностей.

– Забудь о нем, – посоветовала Марина. – Здесь достаточно вполне достойных людей. Про писателя и рэпера можно не говорить, а ведь и банкир Панютин вполне обаятельный человек. Как он восторгался, когда я про Северную Ингрию вспомнила.

– Не надо было показывать свою образованность.

– Почему? Он руководит банком «Ингрия», и я вспомнила, что была когда-то в здешних местах маленькая самопровозглашенная республика. Это когда-то предки местных жителей были крестьянами, которые в лохмотьях вышли оборонять свои деревни. Теперь они политики, предприниматели и банкиры. Они сплочены теперь как никогда.

– Теперь понятно, откуда у директора нашего ТСЖ нашлись деньги на выкуп земли и на строительство поселка... Я слышал, что лет десять назад он был настоящим нищим...

– Ты про Олега говоришь? – спросила Марина. – Он такой респектабельный на вид.

– Стал таким. Ему, очевидно, помогли лишь потому, что он родом из этих мест и фамилия у него – Хепонен. Земля эта ему досталась за гроши, но у него и грошей-то не было. Но здесь работали местные бульдозеристы, с местных карьеров сюда свозились песок и плодородная почва. Теперь здесь дорогие участки. Сотня участков, и если каждый вместе с домом был продан за полмиллиона долларов, то сколько это получается выручки?

– Пятьдесят миллионов, – подсчитала Лужина.

Муж начал не спеша одеваться. Накинул на себя рубашку, стал застегивать пуговицы, но разговор заканчивать не собирался. Посмотрел на Марину и

усмехнулся.

– Ну вот, а сама земля, планировка участка, подвод коммуникаций и строительство домов стоило раза в два дешевле. Или даже втрое дешевле. А теперь все жители еще платят за обслуживание приличную сумму каждый месяц. Очень хороший бизнес получается.

– Да и ладно, – сказала Марина, – главное, что нам тут нравится!

Муж не ответил. Задернул штору, поднял с банкетки свои брюки. Но не стал их надевать.

– Про банк «Ингрия» ты знаешь, – продолжил он, – а ведь еще есть благотворительная организация с таким же названием. Цель ее – независимость Карельского перешейка, создание на нем нового государства. Еще недавно это казалось смешной идеей, но после событий в Крыму – цель не кажется такой уж нереальной.

– И они об этом так прямо заявляют? – удивилась Марина.

– Нет, конечно. Но мне Хепонен проговорился, что все местные мечтают о референдуме за независимость. Можешь представить, что начнется в мире, если вдруг они надумают отделиться. Их тут же начнут признавать страны Северной Европы, Балтия, Польша... А если еще и Штаты признают...

– Да и пусть. Мне здесь нравится, – махнула рукой Марина, – никакой независимости не будет, разумеется.

– Поживем – увидим, – усмехнулся муж, натягивая брюки, – но работа проводится немалая, и деньги в идею независимости закладываются тоже огромные. Вспомни, какой была эта территория два десятка лет назад. Дачи, огороды, леса, а теперь на Карельском перешейке элитные поселки, вроде нашего, фермы по разведению рыбы, гостиницы, горнолыжные трассы, поля для гольфа... Промышленность имеется какая-никакая. Мне, кстати, посоветовали перенести производство сюда, в поселочек неподалеку. Предлагают помещения в аренду по невероятно низкой ставке. Тут люди думают о развитии территории... В каждом населенном пункте есть магазинчик с финскими товарами. Одежда, продукты питания, соки, алкоголь... Даже этот Вася из Куйвози, о котором

говорили вчера как о производителе прекрасного виски, сам он, что ли, у себя в подвале гонит хороший продукт...

– Кстати, вчера мы с писателем договорились поехать к нему сегодня на дегустацию, – напомнила Лужина.

– Ты езжай, а я найду чем заняться. И вообще надо бы из города привезти все необходимое.

Муж наконец оделся, вышел было из спальни, но остановился и сказал уже из коридора:

– Тогда я смотаюсь в город и привезу все, что скажешь. Двух часов мне хватит обернуться, – он задумался и уточнил: – Или трех часов...

Он вышел, а Марина посмотрела на настенный циферблат – половина восьмого утра. Рано, но спать совсем не хочется.

Вдруг ей вспомнились часы, висевшие в домике бабушки. Часы были в виде домика с окошком, из которого выскакивала кукушка. Правда, Марина не помнила, чтобы она когда-нибудь куковала. Кукушка выглядывала из своего разошедшегося домика, гирьки в виде сосновых шишек висели неподвижно.

Однажды мама предложила часы выбросить, и бабушка возмутилась: «Ни за что: им уже двести пятьдесят лет, они в Шварцвальде сделаны. Пусть не ходят, но пусть висят: их мой отец в сорок пятом из Германии для меня привез – это все его трофеи за четыре года войны».

Бабушка умерла, часы так и остались висеть в пустом доме, пока из него не вынесли все. Потом в домик переехала мама, но вскоре его снесли, и на этом месте, на месте яблоневого сада, стоят теперь многоэтажные дома.

Марина думала об этом, стоя под душем, с мокрыми волосами вышла к качелям, держа в руках чашку чая. Но на качелях пить чай было неудобно, и она уселась на газон.

Так она и сидела, поглядывая на небо, на сосны и наслаждаясь пахнущим сосновой хвоей воздухом.

К девяти пришел похожий на Колобка директор ТСЖ, который очень удивился, увидев ее на газоне.

- А я думал, что вы еще в постели, - удивился пухлый человек.

«Странно, - подумала Марина, - если думал, что я в постели, так почему пришел?»

- Ваш муж выезжал, а я как раз у шлагбаума стоял, мы поговорили немного.

Директор ТСЖ тут же сделал встревоженное лицо.

- Так что вам Коля сказал такого, что могло обидеть вас? - спросил он.

Марина вскинула брови, не понимая, о ком идет речь.

- Николай, который был у вас вчера, который должен был котел осмотреть, - объяснил директор ТСЖ. - Вообще он очень тихий, необидчивый. Никто на него никогда не жаловался.

- Так и я вполне им довольна. Ни жалоб, ни нареканий с моей стороны нет.

- Странно, - удивился пухлый человек, - возможно, я что-то напутал.

Он вздохнул и подошел еще ближе.

Марине показалось, что он хочет опуститься на газон рядом с ней. Но Олег остался стоять.

- Я знаю, что вы вчера уже с соседями познакомились. Как они вам?

- Замечательные люди. О многом поговорили. Вспомнили об Ингрии.

- О ком? – прикинулся непонимающим Олег.

- О Республике Северная Ингрия.

- Не слышал о такой, – ответил пухлый человек и посмотрел по сторонам.

- А я всегда восхищалась мужеством этих простых людей.

- А кто вам рассказал?

- Так я давно об этом знаю.

- А что вы еще об этом знаете? Слышали, может быть, от кого-то? Ведь кто-то при вас вчера завел разговор об этой республике.

- Я и завела. Услышала о банке с таким же названием и вспомнила.

Этот ответ Хепонена, судя по всему, удовлетворил.

- Я все-таки по поводу Коли. Ваш муж так возмутился! Сказал, что надо его уволить. А за что? Вот я и пришел, чтобы выяснить.

- Так я же уже ответила.

На самом деле она не верила теперь пухлому человеку. Он пришел только ради того, чтобы узнать, кто и что говорил об Ингрии. А жалобу Валентина придумал как повод для того, чтобы прийти.

- Ну, ладно, – сказал он, – кстати, вы сегодня пойдете на праздник?

- Какой?

- Так сегодня в Ветрогорске День города. Это совсем рядом от нашего поселка – минут пять на машине. Они каждый год этот праздник устраивают. Очень весело все проходит. Артисты приезжают – даже некоторые известные попадают. А еще конкурсы, соревнования, надувные горки для детей, а вечером фейерверк и

салют.

- Какое сегодня число – не девятое ли июня?

Пухлый человек вдруг побагровел и посмотрел вокруг.

- Ну, ладно, я пошел, но советую все-таки пойти на праздник.

Он повернулся и ушел.

Конечно, про сегодняшнее число Марина спросила просто так. Но на всякий случай взяла свой смартфон, зашла в интернет и открыла дату образования Республики Северная Ингрия. Так оно и было – девятое июня.

Неужели здесь с таким размахом отмечают этот день, и ведь как здорово придумано. День города!

Поскольку телефон оставался в руке, Марина набрала номер мужа.

- Я уже в квартире, – доложил Валентин, – собираю вещи, но сразу к тебе поехать не получится. Вчерашний клиент опять просит о встрече. Так что задержусь немного. Но ты там не скучай.

- Наверное, не получится скучать, потому что теперь я тоже решила посетить Васю, чтобы продегустировать его виски, а потом тут поблизости День города, и там, говорят, всегда очень весело. Так что я намерена сегодня повеселиться. Если успеешь, то обязательно подъезжай в Ветрогорск.

- Если успею, то...

- погоди! – закричала Марина, вспомнив. – Тут приходил директор ТСЖ и сказал, что ты жаловался на Николая.

- На кого? – не понял муж.

- На сотрудника управляющей компании, который вчера котлом занимался.

– С чего вдруг мне жаловаться? – удивился муж. – При выезде увидел Олега, он спросил про котел, я ответил, что все в норме. Очевидно, он не понял... Не скучай там.

Глава 2

Припарковаться было негде. Въезд на площадь был закрыт, а парковка возле рынка была забита так, что водителям, оставившим здесь свои автомобили, надо было собираться, чтобы выяснить, в каком порядке отсюда можно выбраться. Вдоль всей трассы машины стояли плотно друг за другом с обеих сторон дороги.

Карсавин заметил одно местечко, но, когда попытался поставить туда свой автомобиль, его обогнал и вклинился на свободное местечко банкир Панютин, который весь путь от поселка следовал за ними. Теперь он занял присмотренное писателем место и, совершая этот захват, помахал Карсавину, Марине и Максиму рукой, улыбаясь во весь рот.

Карсавин не обиделся, он даже в ответ махнул рукой, а потом сказал, ни к кому не обращаясь:

– Теперь понятно, почему на финансовом рынке такой, извините за грубое слово, бардак: никакого уважения к честным налогоплательщикам.

Место они нашли метров за сто, почти в самом конце вереницы машин. Вышли и направились к площади. Банкир их поджидал, рядом с ним стояли жены его заместителей: Люба и Виолетта.

А с площади неслась громкая музыка, и пронзительные женские голоса орали:

...А у нас так не делают,

Да окна бить не бегают.

Ай, потихоньку, ромалэ, подойдут,

Да рамы выставят – и с окнами пойдут.

Ай, мэ мато, мато, мато ли мэ.

Ай, мэ мато, мато, мато ли мэ...

- Что такое, - удивился компьютерный гений, - цыгане приехали?

- Они живут здесь, - отозвался писатель. - Рядом есть целый цыганский поселок. Очень вежливые и приличные люди. Я как-то в очереди стоял за овощами. И вдруг чихнул. Сразу с двух сторон мне: «Будьте здоровы!» Посмотрел, а это цыгане мне здоровья желают, а вся очередь из русских промолчала. Вот такие они... Цыганки здесь не пристают с гаданиями, пьяных цыган не заметно. Только в овощных магазинах очереди от них большие образуются, потому что каждый из них берет два яблока, две груши, два апельсина... Или по три... В зависимости, у кого какая семья.

Они подошли к банковской компании, поздоровались. Обе женщины, приехавшие в машине Панютина, поцеловали Марину, как старые подруги.

На площади перед местным Домом культуры стояли шатры: в некоторых что-то продавали, в других были устроены аттракционы - стрельба из пневматических винтовок или бросание ватных мячиков в пустые пивные банки, а в одном стояли детские пластмассовые лошадки, которые покачивались. На одной из лошадок, прижавшись щекой к пластмассовой гриве, спал ребенок лет трех с соской во рту.

За прилавком скучала женщина, продающая билеты на это представление.

- Не желаете ли в скачках поучаствовать? - обратилась она к Марине.

- Меня укачивает, - ответила Лужина и показала на ребенка: - А кто его бросил тут?

- Никто его не бросил, - обиделась женщина-билетер, - это мой жокей. Не дома же его одного оставлять. Он, может, целый год о таком счастье мечтал.

- ... Ты услышь меня, - кричал с открытой эстрады Дома культуры цыган, - под окном стою я с гита-ра-а-ара-а-ю-ю!

Спутники исчезли в толпе, и Марина бросилась их искать. Подруг банкира Любу и Виолетту обнаружила быстро в ближайшей пивной палатке. Обе сидели и с умным видом смаковали мутное пиво.

Над стойкой возвышался пожилой мужчина и наполнял очередную кружку – только непонятно для кого.

– Попробуй, – предложила Виолетта, – это местное: называется «Кирьясальское».

– Деревни такой, Кирьясала, давно уже нет, – произнес продавец пива, – даже фундаменты не сохранились, а пиво там будто бы до сих пор варят.

– И кто же такой ушлый? – поинтересовалась Люба.

– Да я, – признался мужчина, – таких специалистов, как я, здесь нет.

– Вас случайно не Васей зовут? – спросила Марина. – Вы из Куйвози?

– Вообще-то я – Петя. А Вася – это мой брат-ренегад, который забросил семейную традицию и варит... даже стыдно сказать, какое пойло.

– Такое плохое у него пиво? – удивилась Люба.

– Вася варит виски, – объяснила Марина, – народ хвалит.

– Какой народ? – возмутился продавец. – Алкаши одни.

– Писатели даже хвалят, – продолжала издеваться Марина.

– Да алкаши они, ваши писатели. Что Хемингуэй, что Ремарк. Вот поэты – совсем другое дело. У нас тут один – у него столько книжек написано! Так даже мой продукт в стихах отметил.

Не пейте, товарищи, водку,

Она вам испортит походку.

Попробуйте пиво от Пети –

Нет лучше напитка на свете.

– Какой у нас поэтический край! – восхитилась Виолетта.

– А то! – кивнул пивовар.

Он наконец закончил наполнять кружку и протянул ее Марине.

– Денег не надо. Это мой вам презент. У красивой женщины все должно быть самое лучшее.

Пришлось из вежливости сделать небольшой глоток, а потом идти дальше с бокалом пива в руке.

Вокруг веселились люди, несмотря на то что цыганский ансамбль сделал небольшой перерыв. Соседей-мужчин видно не было.

Марина рассматривала выставленные на ярмарке товары, приценилась к фермерскому меду, решив перед отъездом купить пару баночек. Потом поинтересовалась, где находится боулинг, и ей показали, но посоветовали туда не ходить, так как сейчас там очень тесно, потому что уже начались соревнования среди любителей сбивать кегли.

Неожиданно она увидела Вадима Каткова. Даже удивилась, потому что только подумала о нем, вспомнив, что популярный рэпер собирался на праздник города, но почему-то не поехал с ними.

А теперь он сам подскочил с гитарой. Сообщил, что хочет принять участие в конкурсе самодеятельности. Признавшись в этом желании, почему-то смутился. Потом увидел бокал с пивом.

– Местное?

Марина протянула ему пиво.

– Возьмите, я все равно его не пью.

Вадим взял бокал, сделал глоток.

– Петя варил! – почему-то сразу догадался он. – Вкусная вещь!

И побежал, держа в одной руке футляр с гитарой, а в другой – бокал с пивом.

Марина проходила вдоль торговых рядов, рассматривая варежки, носки, свитера домашней вязки, китайские спортивные костюмы, валенки и кроссовки «Пума», банки с вареньями и соленьями.

В одной из палаток разливали по емкостям французские духи.

От всего этого становилось легко на душе и весело. А вокруг радовались и смеялись люди.

Вскоре начался смотр местной самодеятельности.

Но сначала на сцене появился глава городской администрации, который начал рассказывать об успехах муниципального образования. Микрофон разносил его голос по площади.

Но Марина не слушала. Она увлеченно стреляла по мишеням в тире и даже попадала иногда.

Потом со сцены к народу обратилась какая-то дама, представившая детскую театральную студию, подготовившую музыкально-поэтическую композицию по стихам местного поэта.

– ...Это не только талантливейший поэт нашего времени, – проникновенно произнесла дама, но он еще и большой патриот. Он начал работу над книгой об истории родного края, которую назвал историей Северной Ингрии.

Шум в толпе смолк: очевидно, собравшиеся поняли, о ком идет речь.

– ...У этого исследования были и противники, – летел над притихшей толпой голос дамы. – К сожалению, Анатолий Вильямович не закончил свой труд. Он трагически погиб при невыясненных обстоятельствах.

Марина перестала целиться и прислушалась.

Но дама закончила свое выступление. Зазвучал баян, и прозвенел голос ребенка, читающего стихи:

Протока обмелела, но мальки –

Инстинкт жесток, или судьба жестока:

Бросаются на влажные пески,

Им невдомек, что высохла протока.

Так память предков – пусть на волоске,

Влечет туда, где быть должна бы роща.

А там болото, и куда как проще

Вот так же биться рыбой на песке...[1 - Анатолий Иванен.]

Дети продолжали читать стихи.

Марина, замерев с винтовкой в руке, слушала.

Какой-то щелчок вывел ее из оцепенения. Она даже подумала, что это выстрелила ее винтовка. Но оказалось, что подошли Карсавин с Максимом, и компьютерный гений запечатлел ее, романтически внимающую стихам, на свой телефон.

– Простите, что оставил вас одну, – произнес писатель, – решил поучаствовать в состязании по сбиванию кеглей. Боулинг – моя страсть.

– Как результат?

– А-а! – махнул рукой писатель. – Хуже, чем в прошлом году. Даже в призы не попал. Старею.

А со сцены прилетел голос девочки:

...Куст ивы, наклонившейся к воде.

Крик иволги несется над водою –

Так тонок, что хочется продеть

В ушко иглы и словно нить удвоить...[2 - Анатолий Иванен.]

– Вы знакомы были с местным поэтом? – спросила Марина писателя.

– С Толей? Знаком разве что. Но он ведь погиб при странных обстоятельствах. Темное дело. Поехал в Царское Село, и там на вокзале к нему подошли какие-то люди в камуфляжной форме. Вроде из частной охраны. Завели за привокзальное кафе и забили до смерти.

– Ужас какой! – поразились Марина.

– Действительно ужас. Он безобидный был человек. Светлый человек, можно сказать. Да и в возрасте уже солидном. Такой улыбчивый старичок с седенькой бородкой.

– Он тоже исследовал историю Северной Ингрии, – вспомнила Лужина.

– Исследовал, и что?

– За это ведь не убивают, – высказал свое мнение Максим.

Марина положила ружье на стойку.

А человек, который заряжал винтовку, подавал ей патроны и на которого она вовсе не обращала внимания, вдруг дал о себе знать:

– Юноша, сейчас и не за такое могут убить...

Но произнес он это не для компьютерного гения, а глядя почему-то на писателя. И только после этого обернулся к Лужиной.

– Убить могут за любую мелочь. Тем более поэта. Много ли вы знаете поэтов, которые умерли своей смертью. Они при жизни-то с богом разговаривают. Иначе стихи не получаются. А так только, ерунда рифмованная...

– Ваша правда, – согласился Карсавин, – удивительно даже, как в таком городке люди разбираются в литературе!

– В нашем городке, господин Карсавин, – серьезно ответил владелец тира, – люди разбираются в людях.

Писатель молча взял с прилавка винтовку, согнул ее пополам, зарядил и, почти не целясь, выстрелил. Сразу же замигала лампочками, загудела и закрутила пластмассовыми крыльями игрушечная мельница. Потом он сбил еще одну мишень, еще и еще.

– Лихо вы! – удивилась Марина.

– Только чтобы произвести на вас впечатление, – ответил Карсавин и положил винтовку.

Потом он заплатил за свои выстрелы и за те, что сделала Лужина, взял ее под руку и сказал:

– Тут неподалеку есть кафе, где подают блюда местной кухни. Не скажу, что я большой поклонник, но пельмени с рыбой попробовать стоит.

Окна в кафе были открыты, и сюда отчетливо доносилось все, что происходило на сцене возле Дома культуры.

– Как в вип-ложе сидим, – сравнил Максим, опустившись за столик, – хотя и не видно ничего, но это необязательно.

Подошла молоденькая официантка в переднике, расшитом красными нитками: птицы и деревья.

Перед тем как сделать заказ, Карсавин позвонил банкиру, и тот сказал, что тоже подойдет вместе со своими спутницами.

Так что вскоре собрались всей компанией, не считая, конечно, Вадима Каткова, который собирался участвовать в конкурсе.

Время шло, на сцене сменялись выступающие. Наконец, раздались аплодисменты и свист.

– А вот и наша звезда появилась, – догадался Карсавин, – давайте сожмем кулаки за него, чтобы не опозорился.

Было слышно, как Вадим покашлял в микрофон, а потом объявил, что он исполнит романс, который написал накануне, и сегодня это первое представление песни.

Зазвучала гитара, и Окатыш почти зашептал в микрофон:

Ласточка, ласточка, ласточка,

Мир распахни голубой,

В памяти как фотокарточка

Миг, осененный тобой.

Что-то ушедшее, вечное,

То, что так ныло в груди.

Ласточка, птичка беспечная,

Не улетай, погоди...[3 - Стихи автора.]

Площадь притихла, молчали и все посетители кафе, даже молоденькая официантка подошла к открытому окну, чтобы лучше слышать.

И Вадим запел громче, словно специально для нее.

Молчала площадь, и весь городок молчал.

Пусть все надежды растаяли.

Только слезу, не дыша,

Как над небесными далями

Мается чья-то душа.

Вадим закончил выступление, и сразу на площади раздались аплодисменты и свист.

– Мне очень понравилось, – сказала Лужина, – надеюсь, его оценят по достоинству.

– Что же он так на эстраде не выступает? – вдруг произнесла официантка. – А то поет всякую лабуду, если, конечно, это можно назвать песнями.

– У нас вкус формируют не зрители, а те, кто заказывает музыку, – ответил ей писатель. – Еще совсем недавно из каждого утюга летел «Владимирский централ», а теперь вот рэп. Конечно, Вадик не победит – не та аудитория. Сейчас выйдет прошлогодняя победительница с не умирающим уже полвека шлагером и задорненько его исполнит. Каждый год она исполняет только финскую полечку.

– Это, кстати, моя мама, – на всякий случай предупредила официантка.

– Да я против нее ничего не имею. Голос у нее замечательный. И рыбу она продает очень хорошую. Папа, небось, ловит?

– Ну да, – кивнула девушка.

Концерт после этого долго не продлился.

Выступил молодой цыган, а потом раздались бурные приветственные аплодисменты.

Молоденькая официантка напряглась и прислушалась.

Зазвучала веселая музыка, и аудитория взревела от восторга.

И потом аплодисменты еще долго не смолкали. Популярную у местных жителей исполнительницу не хотели отпускать со сцены.

Итоги были подведены быстро.

Катков, как и год назад, занял второе место.

– Надо Вадиду позвонить и поздравить, – сказал Карсавин.

Он взял телефон и удивился.

– Однако времени уже сколько! Скоро уже и салют начнется. Надо поспешить, а то ярмарка вот-вот закроется.

Марина вспомнила, что хотела купить мед, и побежала на площадь.

Максим поспешил следом за ней.

Палатка с медом сворачивалась. Банки с медом взвешивать не стали.

Продавщица сказала, что и так знает, что и сколько весит.

Народ не расходился, казалось, что людей стало еще больше, – все ждали начала салюта.

Марина продиралась сквозь радостную толпу, а когда оказалась на свободном месте, увидела поджидающих ее соседей.

– На салют останемся? – спросила она.

– Надо ехать, – сказал банкир, – а то потом трудно выбраться будет – все машинами забито. Вернемся и посидим у меня.

Они поспешили к припаркованным вдоль трассы автомобилям, и вдруг Карсавин вспомнил:

– Я же хотел в Куйвози заехать к Васе. Взять у него виски.

– Поздно уже, – покачал головой Панютин, – потом тебе надо девушку домой доставить в целостности и сохранности.

– Так я за десять минут обернусь, – пообещал Карсавин, – тут всего-то четыре километра в одну сторону. Вы даже до своей машины дойти не успеете.

И он поспешил. Сначала быстрым шагом, а потом почти бегом.

Марина несла пакет с большими банками меда. Банкир, заметив, что ей тяжело, взял пакет из ее руки. Рядом шел Максим, который почему-то не сделал этого раньше.

А следом за ними, взявшись за руки, еле плелись две подружки – жены менеджеров банка «Ингрия». Панютин посмотрел на них, приостановился, а потом, поняв, что стоять и ожидать, когда жены его друзей подойдут ближе, бесполезно, снова ускорил шаг.

– Пока поставим ваш мед в мою машину, а то когда еще Ваня вернется, – сказал он Марине.

Втроем подошли к трассе, вдоль которой тянулась цепочка припаркованных автомобилей. Количество машин если и уменьшилось, то не намного.

Дорогу сразу перейти не удалось. Пришлось пропускать спешащие куда-то машины. Банкиру, судя по всему, ждать надоело, и он перескочил дорогу едва ли не перед самым капотом черного внедорожника. Марина с Максимом, дождавшись, когда поток спадет, перешли тоже. Теперь они направлялись к машине Панютина, видели его широкую спину, видели, как тот открыл заднюю дверь и поставил пакет на сиденье. А потом он наклонился внутрь салона и

начал оседать, как будто пытался найти что-то на резиновом коврикe.

– Что такое? – не понял компьютерный гений и ускорил шаг.

Лужина поспешила за ним.

Банкир стоял на коленях перед своим автомобилем, а туловище его и голова находились внутри салона перед сиденьями заднего ряда.

Но Марина успела заметить только, что на его спине расплзается темное пятно крови. Она отскочила в сторону, хотела закричать от ужаса, а получился какой-то сдавленный стон.

И тут же небо с оглушительным грохотом раскололось и осветило все вокруг разноцветным сиянием. Начался салют.

Глава 3

Полицию вызвал Карсавин. Удивительно, почему только он сообразил, что надо делать. Максим растерялся сразу, Марина стояла испуганная, а обе подружки банкира были вовсе на грани истерики. Иван Андреевич подъехал, вышел из автомобиля, посмотрел на тело и приказал:

– Всем отойти!

А потом позвонил в полицию. Как раз залпы салюта смолкли. С площади потянулся народ.

Марину начало трясти, писатель набросил на нее свою куртку и, стоя возле своего автомобиля, начал разговаривать с Максимом. Но компьютерный гений сказал, что сам ничего не видел, потому что смотрел в другую сторону, и вообще уже начинало смеркаться.

Подошел Вадим Катков, на мертвое тело он смотреть отказался, и тогда Карсавин попросил его отвезти домой женщин.

– Какой из тебя сейчас свидетель, – объяснил он Марине, – а девушки наши тем более ничего не видели.

Рэпер помог Марине забраться в салон, где на заднем сиденье уже находились Люба и Виолетта.

– Откуда хоть стреляли? – поинтересовался Вадим у писателя.

Тот показал рукой в сторону от дороги и пояснил:

– В ста метрах отсюда небольшой гаражный городок виднеется... Да какой там городок – полтора десятка гаражей. Один фонарь всего, да и тот не горит. Судя по всему, убийца поджидал вас именно там. Подъезд к той площадке вообще непонятно откуда. Вряд ли кто-то видел там убийцу: все же на празднике были. И видеокамер там наверняка нет.

Максим тоже попытался забраться в салон, но Катков его удержал.

– Я же не видел ничего, – сопротивлялся тот, – мне вообще весь обзор Марина своей спиной закрывала, к тому же я вообще смотрел в другую сторону.

Лужина закрыла глаза, потому что ей не хотелось во всем этом участвовать. Не хотела здесь находиться, не хотела беседовать с полицией, давать показания. А ведь наверняка ее допрашивать будут с особым пристрастием, ведь она ближе всех находилась к банкиру в момент его убийства.

Машины, припаркованные на обочине, разъехались, мимо проходили веселые люди – никто даже не догадывался о том, что здесь только что произошло.

Катков сел за руль. Автомобиль развернулся, потом набрал скорость, а она так и ехала, зажмурившись, пытаясь прогнать от себя воспоминание о случившемся. Но это не удавалось – перед глазами все время стояло одно и то же: Панютин медленно опускается на колени, а потом валится головой вперед, в салон своего внедорожника.

Когда проехали шлагбаум, она наконец взглянула в окно, посмотрела на кирпичные заборы и немного успокоилась. Сейчас она войдет в свой дом, к которому, правда, еще не успела привыкнуть, включит телевизор, чтобы отвлечься.

Раздался сигнал ее мобильного. Это звонил муж.

- Ты где? - спросил Валентин. - Просто я переезжаю железную дорогу и теперь не знаю, куда дальше: в поселок поворачивать или на ваш праздник.

- Праздник закончился, - ответила Марина, - я уже возле дома.

Через несколько секунд автомобиль остановился. Люба и Виолетта вышли. А Катков повез ее дальше.

- Муж дома? - поинтересовался Вадим. - Я почему интересуюсь, потому что, если дом пуст, могу побыть с вами, чтобы не так страшно было.

Зачем-то она кивнула.

Во двор заезжать не стали. Прошли через калитку, а когда поднялись на крыльцо, то ворота разъехались, и показался «Блейзер», из окна которого неслась музыка, и голос Каткова читал рэп:

- Любо бы полюбывал, любо бы полюбывал чу-вих, чу-вих,

Или бы голубил бы, или бы голубил бы чу-жих, чу-жих...[4 - Владимир Добряков.]

Песня смолкла, из машины вышел Валентин и помахал им обоим рукой.

- А я как раз вашу песню слушал, - сказал он Вадиму, - про тетерева. Интересный текст.

- Это не мой текст, - признался Катков и посмотрел в сторону.

Валентин поднялся по ступеням и поцеловал жену.

– А что вы такие грустные оба? – улыбнулся он, словно пытался развеселить. – Праздник, что ли, не удался?

– Леонида Ивановича убили, – объяснил Катков и выдохнул.

– Какого Леонида Ивановича? – не понял Валентин.

– Банкира Панютина.

– Как это?

– Застрелили. Но я сам при этом не присутствовал, – начал объяснять Вадим. – Пришел, когда уже он...

– Прекратите, – не выдержала Марина, – я не могу слушать.

И проскочила в дом. Поднялась в свою комнату и легла на кровать. И опять перед глазами встала та ужасная картина. Через приотворенное окно было слышно, как о чем-то разговаривали мужчины на крыльце, но слов было не разобрать. Потом отъехал автомобиль Каткова.

Бесшумно поднялся на второй этаж муж и присел на кровать.

– Жаль, – произнес он, – жаль, что у нас здесь нет ни успокоительного, ни снотворного. Может, сто граммов виски примешь?

Марина помотала головой, а потом встрепенулась:

– А виски откуда?

– Мне новый клиент еще вчера презентовал. Рассчитывал, очевидно, что вместе разопьем, отметим контракт. Но я за рулем, вот он и всучил.

– Чего вдруг выпивать сейчас? – не поняла Марина. – Тут такое произошло. Почему вдруг его убили? За что?

- Банкир, - спокойно ответил муж, - сколько их уже... Может, это конкуренты?

- А где тогда его заместители - мужа Любы и Виолетты?

Валентин пожал плечами: он не знал обеих женщин. Даже не видел ни разу. А потом ответил:

- Вадим мне сказал, что они на Кольском полуострове рыбу ловят. Как раз сейчас начинается лицензионный лов. Так что у них обоих алиби, если ты об этом.

- Странно все, конечно. Сегодня в Ветрогорске со сцены читали стихи местного поэта, которого убили непонятно за что. А он тоже был патриотом Северной Ингрии. Банк Панютина называется «Ингрия» - как-то все складывается не очень хорошо.

- Просто так совпало. Сколько их тут - местных патриотов, - и что же, всех убивать за эти их убеждения? Требуют независимости, и что с того: это ведь как забава для местного населения.

За окнами послышался звук проезжающего автомобиля. Машина остановилась.

Муж прислушался.

- Кого это черт принес? - шепнул он.

Поднялся, чтобы подойти к окну. И тут прозвенел звонок, и прогремел он так громко, что Марина вздрогнула.

- Что это?

- Так у нас возле калитки звонок, - объяснил Валентин, - ты разве не заметила?

Он вышел из комнаты и начал спускаться вниз.

Поднялась и Марина. Подошла к окну и посмотрела на двор и на дорогу, где стоял полицейский «уазик».

Самого автомобиля видно не было, а только его крышу с мигалкой.

Муж открыл калитку и впустил во двор нескольких мужчин, среди которых был Карсавин, один полицейский в форме и еще двое в гражданской одежде, но по тому, как они уверенно двигались к дому, понятно было, что они тоже из полиции.

Валентин не хотел их впускать в дом и даже показал на окна второго этажа, пытаясь объяснить, что уже поздно и жена спит. Но потом его, очевидно, переубедили, и вся толпа прибывших поднялась на крыльцо.

Надо было спускаться. Ее попросили присесть за стол – попросили так осторожно, словно принесли известие, от которого она может упасть. Извинились, что в неурочный час, но надо действовать быстро, потому что большая часть преступлений раскрывается по горячим следам.

– Разве? – не поверил Валентин.

– Конечно, потому что потом у свидетелей вдруг отшибает память, они не являются по повесткам, а время идет, и все это на руку преступникам, – объяснил полицейский в форме.

– Задавайте ваши вопросы, – сказала Марина.

Сначала ее попросили рассказать, как это все произошло, где находилась она, а где убитый Панютин. Слышала ли выстрел, или, возможно, заметила что-то подозрительное. Известно ли ей о каких-либо конфликтах соседа.

– Мы здесь менее двух суток проживаем, – напомнил Валентин.

Но его не слушали.

– С убитым в каких отношениях вы были лично? – спросил следователь, как будто не слышал замечания хозяина дома.

– Вчера с ним познакомилась и в отношения вступить не успела, – ответила Марина, – тут все наши соседи, как я заметила, очень приятные и милые люди.

Не преступники. Живут дружно, ссор нет.

Судя по всему, ее ответы полицейских удовлетворили.

Только один, что был в штатском, продолжил:

- Вы сообщили, что были от него шагах в трех. А не могли стрелять в вас, а не в него?

- Что за глупости! - возмутился Лужин.

- Всякое бывает. Возможно, с кем-нибудь ваша жена в ссоре, кто-то ей завидует. А может, ей стало что-то известно такое... Ну, вы понимаете...

Тут Марина вспомнила о своих подозрениях по поводу организации, поставившей целью своей деятельности провозглашение независимости трех областных районов. Но говорить ничего не стала. Просто покачала головой.

- То есть вам ничего не известно? - настаивал полицейский.

- Ничего, - сказала она и посмотрела на мужа, ища у него поддержки.

И Валентин подошел к ней и положил руку на плечо.

- Господа, - произнес он, - я не знаю методов розыскного дела, но проверьте для начала граждан из числа лиц, находящихся в данной местности, кто прежде был осужден за убийства и другие подобные преступления. Я, например, знаю одного из таких, кто в момент совершения преступления был где-то рядом.

Полицейские переглянулись.

- И кто же это? - спросил полицейский в форме.

- Некий Николай... Он работает тут. То есть в этом ТСЖ. Я знал его прежде: учился со мной в одной школе. И он тогда уже совершил убийство из корыстных побуждений.

– Фамилия у вашего знакомого есть?

– Николай Зимин.

Полицейские ушли. Только перед самым выходом из дома один из них попросил Лужину никуда до окончания следствия не уезжать, телефон не выключать, а лучше всего находиться в доме.

– И долго мне в доме сидеть? – поинтересовалась Марина.

– Я же сказал, – удивился ее непонятливости следователь, – до момента окончания следствия.

И после этих слов удалился, очевидно, уверенный в том, что убийцу отыщут очень и очень быстро.

Валентин проводил полицейских до калитки и, когда вернулся, сказал, что бо?льших дураков, чем эти, он в жизни не видел.

– Зачем ты про Колю сказал? – обратилась Марина к мужу.

– Просто облегчил им работу. Они и так на него вышли бы: тут особого ума не надо.

Она не стала спорить. Хотела вообще не обсуждать эту тему, но муж не унимался.

– Люди нашего круга не могли этого сделать. Ты согласна?

Марина кивнула.

– Посторонним на банкира наплевать, – продолжал излагать Валентин, – если киллер действовал по заказу, то он не мог сидеть за каким-то гаражом, не опасаясь того, что его обнаружат. Следовательно, кто-то выследил Панютина, знал, куда он поедет, где будет находиться. Не писатель же его. И не Вадим Катков, известный многим как рэпер Окатыш. Или другие соседи, которые долгие годы шли к успеху, к благополучию. Я про всех кое-что знаю. Специально

интересовался в интернете, чтобы знать будущих соседей. Издатель Буховцев с приятелем начинал с того, что торговал книгами у метро. Договаривались с мамой приятеля, которая тогда работала на складах «Союзкниги», загружали багажник дефицитными тогда зарубежными детективами, и – к станциям метро. Книга стоила трешку, но в магазинах детективов днем с огнем не найдешь, и они отдавали каждую по двадцать пять. Еще и очереди к ним выстраивались. Потом наняли себе других студентов, ларьки открыли. Естественно, попали под бандитов. А потом кто-то сдал бандитов милиции. Подозревали, что это сделал Буховцев. Пришлось ему из страны уезжать на какое-то время. А музыкальный продюсер...

– Ты про всех все знаешь? – удивилась Марина.

– Все не все, конечно, но знаю. Так это не тайна. Это только ты такая доверчивая, а у них у всех за спиной что-то такое может быть... А мне важно было знать, кто рядом живет. Проверил: люди достойные, уважаемые. Про Панютина убитого молчу. Только когда у нас в стране банкира убивают, то никто даже не спрашивает, за что. Значит, было за что. Соседи, конечно же, ни при чем: никто к убийству банкира отношения не имеет. Я в этом убежден. Так что следствие с самого начала пошло по неправильному пути. За Панютиным никто не следил. Кто-то наверняка знал, что он собирается на праздник города.

– А он и не собирался. Никто туда не собирался. Это я узнала о празднике и всех позвала. То есть не всех. Сначала Карсавина, а тот уж Панютину сообщил, тот Любу и Виолетту в свою машину посадил. Про Каткова ничего сказать не могу, потому что он своим ходом добирался – не с нашей компанией. А потом все время рядом был. Только во время убийства не был...

Марина сказала об этом и вдруг поняла, что подозреваемый уже есть. Скорее всего, полицейские, которые наверняка рассуждают так же, как и Валентин: об их планах знали только участники поездки в Ветрогорск. На виду были все, кроме писателя Карсавина и рэпера Каткова. Но у писателя наверняка алиби: он ездил в Куйвози, и это может подтвердить некий Вася, известный производитель домашнего виски. А если он не был там?..

– Ладно, – произнес муж, – пойдем спать, а то на тебя смотреть страшно: ты так запугана этим всем.

Спать легли в разных комнатах. Марина лежала и вспоминала, пытаюсь понять, кто мог застрелить соседа. Она читала книги Карсавина, книги ей нравились, и автор их не мог быть убийцей. Песни Каткова она не слушала, то есть слышала несколько и не была поклонницей, однако сегодня он вполне проникновенно исполнил романс собственного сочинения. И вряд ли человек, сочиняющий стихи и музыку, будет убивать кого-то просто так. А почему просто так? Может быть, у банкира с кем-нибудь были неприязненные отношения, которые тщательным образом скрывались? Но, с другой стороны, тот самый сотрудник ТСЖ, который подключал в их доме газовый котел, тоже знал о цели их поездки. Видел, как они выезжают, понял куда... Валентин ведь говорил, что этот Зимин уже убивал прежде. Значит, это сделал Николай, больше некому...

Марина не хотела думать обо всем этом, но заснуть не удавалось. Она перебирала в памяти весь прошедший день. Потом стала вспоминать день позавчерашний, с которого все и началось. Думала о всем произошедшем в эти дни, выстраивала последовательность событий, почти уверенная в том, что разгадка где-то рядом – где-то на поверхности, прячется, незаметная за каким-нибудь более ярким воспоминанием. Достаточно обернуться и посмотреть внимательнее.

Глава 4

Позавчерашний день был субботой. С утра муж предложил прокатиться за город. Потом полчаса катили по загородной трассе. Сидящий за рулем Валентин всю дорогу только молчал и улыбался.

Вообще-то он не улыбался, а наоборот, скорее старался казаться серьезным, но она-то знала, что он что-то хочет показать ей, а потому едва сдерживается, чтобы не улыбнуться даже, а рассмеяться. Но всю дорогу он таинственно молчал.

Показалась табличка с названием какого-то населенного пункта, но что на нем было написано, разобрать не удалось. «Блейзер» свернул направо, не доехав до указателя полсотни метров. Здесь тоже была ровная ухоженная дорога, но гораздо уже той, по которой они ехали только что. Но теперь с обеих сторон трассы росли сосны.

- Так куда едем? - повторила она.

- Сейчас увидишь, - наконец ответил муж, - уже почти на месте.

Сразу после его слов они съехали с трассы и почти уткнулись в шлагбаум, не видимый с дороги. Этот съезд вообще можно было бы проскочить, если не знать о нем.

Валентин взял мобильный телефон, и, продолжая разглядывать шлагбаум, произнес в трубку:

- Мы подъехали.

Шлагбаум поднялся, сразу за ним начиналась дорога... Нет - не дорога, а улица, по обеим сторонам которой тянулись заборы из красного кирпича. Заборы были одинаковые, и можно было подумать, что это одна сплошная и нескончаемая стена, за которой виднеются черепичные крыши и верхушки сосен, которых в округе было предостаточно. Но перед началом улицы размещалась асфальтированная площадка для парковки автомобилей. Тут же располагался, очевидно, маленький домик охраны и еще один, но уже двухэтажный, хотя вряд ли жилой, потому что он не был огорожен, рядом с ним не было ни деревьев, ни хозяйственных построек.

Как раз из него выскочил круглый, похожий на Колобка человек и поспешил к ним. Он спешил, но подошел к «Блейзеру» не запыхавшись, несмотря на свой лишний вес.

Валентин вышел и пожал протянутую ему руку.

Марина вышла тоже.

Пухлый человек посмотрел на нее, а потом обратился к Валентину:

- Ваша жена не в курсе, насколько я понимаю?

Муж кивнул, а Марина удивилась:

- Что я должна знать и не знаю до сих пор?

- Вы приобрели здесь дом с участком, - объяснил незнакомец и представился: - Меня зовут Олег. Я председатель товарищества собственников, заодно возглавляю управляющую компанию, и я же создатель всей этой красоты. Приобрел в свое время весь этот земельный массив, никому не нужный. Осушил болото и начал строительство.

- У нас здесь дом? - не поверила Марина и посмотрела на мужа.

И только сейчас он улыбнулся.

- Ты же давно хотела, - признался он, - я просмотрел все предложения, и это оказалось самое достойное.

- Более чем, - кивнул пухлый человек, - знаете, сколько я сюда труда вложил! А про деньги вообще не говорю. Раза три был на грани полного разорения. Слава богу, банк поддержал - предоставил мне кредит.

- Рассчитались с банком? - поинтересовалась Марина.

- Рассчитался, - ответил Олег, - к счастью, мой банкир согласился основную сумму получить участками, так что я только проценты выплачивал деньгами. Но желающих было столько, что пришлось даже отказывать.

- Да неужели? - не поверила Марина.

- Именно так. Место престижное: неподалеку от города, экологически чистое, водопровод, канализация, охранная сигнализация самая дорогая, интернет оптоволоконный проводим. Да вы и сами все сейчас увидите.

Он забрался на заднее сиденье «Блейзера». Валентин сел за руль, а Марина рядом. Поехали не спеша, дорога была ровная, а по обеим ее сторонам до самых заборов лоснился идеально выстриженный газон.

- Мы отказывали многим потому лишь, что хотели создать коллектив приятных людей. А потому лица с сомнительной репутацией не должны здесь жить. Трое

банкиров, один депутат Государственной думы, один депутат городского собрания, кинопродюсер, есть и музыкальный продюсер. Певец известный тут проживает – как раз за следующим поворотом его дом. Он рэп-исполнитель. Окатыш – слышали, наверное?

– Слышала. Только его имя, а так не знаю даже, насколько он...

– Настоящее его имя – Вадим Катков. В жизни он милейший человек, уверяю вас. Очень тихий и приветливый. Вообще, здесь около сотни участков.

– Соседи у нас уже есть?

– Есть, – кивнул пухлый человек, – ваш муж уже с ними познакомился, насколько мне известно. У вас с одной стороны компьютерный гений с молодой женой, а с другой – известный писатель Красавин.

– Может быть, Карсавин? Иван Карсавин? – не поверила Марина. – Я его поклонница.

– Точно, Карсавин, – согласился Олег, – просто я оговорился. Моя жена его тоже читала, он ей свою книжку с автографом подарил.

Машина повернула еще раз.

– А вот и ваш дом виднеется.

«Блейзер» остановился перед воротами. Валентин взял пульт и нажал кнопку. Ворота начали раздвигаться.

– Вот такое чудо техники, – засмеялся пухлый человек.

Въехали на территорию, где тоже был подстриженный газон, тоже росли сосны и еще стояли качели под полосатым тентом.

– Качели откуда?

- Подарок от фирмы, - объяснил председатель ТСЖ. - Мы всем новым соседям дарим что-то. Вам - качели, компьютерный гений попросил стол для пинг-понга. Писатель попросил себе беседку с каменным мангалом. А банкир - бассейн.

- Ничего себе запросики! - поразилась Марина.

- Сделали ему бассейн небольшой: в конце концов, он мне здорово помог - так почему бы и ему не сделать приятное. Хотя вряд ли соседям бассейн нравится. Он светится по ночам, да и потом купания всегда шумные получаются.

- Банкир женат?

- Марина! - укоризненно произнес Валентин.

- Я просто так спросила.

- Банкир в разводе. Ему пятьдесят шесть, если вам так интересно. А за компьютерным гением живет кинопродюсер. - «Не ходите в подвал по ночам».

- В каком смысле? - не поняла Лужина.

- Это название последнего фильма, который он продюсировал. Не смотрели?

- Нет.

- Посмотрите, - посоветовал Олег, - очень увлекательный фильм. Правда, моя жена от страха кричала и глаза ладонями прикрывала. Это я к тому, чтобы вы не сомневались: общество действительно здесь достойное. Как говорится, тут полный набор: продюсеры, певцы, писатель - культурное общество, как вы понимаете. Где вы такое еще найдете? Никто ни с кем не ссорится. Все живут дружно. Даже праздники устраиваем коллективные. У нас тут прудик имеется, который изначально планировался как пожарный водоем, но мы его расширили, оборудовали пляж, шатер установили, в котором столики, барная стойка, пивные аппараты, телевизионный экран... Местные мужчины собираются там на просмотр футбольных матчей. Понятно, что у каждого в доме свой телевизор, но всем вместе ведь интереснее, можно покричать, похлопать кого-нибудь по плечу или по спине... Заходите, сами увидите.

– Мы, увы, не болельщики.

– Да? – не поверил пухлый человек. – А у вашего мужа такая спортивная фигура. Да и у вас... простите, конечно, на загляденье.

Они уже разговаривали, не спеша вышагивая по газону. Марина оглядывала все вокруг, а Валентин стоял у крыльца, поджидая ее, чтобы показать дом изнутри.

Она подошла к нему и улыбнулась:

– Если честно, то я в нетерпении.

Муж открыл незапертую, словно ожидавшую их прихода дверь, и они вошли. Сразу оказались в огромной прихожей с полом, выложенным в шахматном порядке белой и черной мраморной плиткой. Прихожая заканчивалась широкой аркой, за которую убегали шахматные плитки.

Втроем вошли в гостиную, и Олег объяснил:

– И проект, и интерьер дома придумал известный архитектор.

– Он тоже живет в поселке, – рассмеялась Марина.

Но председатель ТСЖ кивнул с самым серьезным видом.

– Если бы мы платили ему за каждый проект, знаете, во сколько бы нам это обошлось? Ведь каждый дом не похож на другие ни внешне, ни внутри. Только наружная облицовка стен у них одинакова. Ваш дом – двести сорок восемь метров общей площади. Здесь три ваннные комнаты, кладовые, две гардеробные. Есть даже подвал с винными шкафами.

– Ну, это не для нас, – тут же сообщила Марина, – мы практически не пьем. Разве что по большим праздникам, да и то в меру.

– Значит, наш поселок точно для вас! – обрадовался Олег. – Здесь все трезвенники. А пиво – это только во время футбольных матчей, да и то там никто не злоупотребляет. Я, к примеру, изредка только могу позволить себе пару

глотков виски. Но только хорошее.

Он задумался и спросил:

- Как правильно говорить: «хороший виски» или «хорошее»?

- Если напиток качественный, то виски хороший, - объяснил Валентин, - а если нет, то хорошее... сами знаете что.

- Ха-ха-ха! - рассмеялся директор ТСЖ. - Очень тонкая шутка! Надо будет запомнить.

Они стояли в огромной гостиной, уставленной резной дубовой мебелью.

- Очень здорово, - оценила Марина, - я сама дизайнер по мебели и вижу качественную работу.

- Ваш муж в Италии заказывал, - подсказал Олег, - но вы еще кухню не видели.

Прошли на кухню, и Марина сказала:

- Ничего другого я и не представляла: последний проект «Катарина Ленц».

- А я знаю, - вкрадчиво обрадовался своей осведомленности пухлый человек, - это с вашей фабрики. У меня тоже ваша продукция, но попроще, разумеется, «Элиза Ленц».

- Тоже неплохая, - кивнула Марина, - ореховые фасады.

- Главное, что Валентин Минаевич сорокапроцентную скидку для меня сделал. А так бы ни за что не купил. Ходил бы, смотрел на такую красоту и облизывался. Не всем людям, к сожалению, роскошь по карману.

- Вам-то грех жаловаться, - приветливо улыбнулся Валентин.

– Так я не о себе, а о простых людях. У меня жена, например, давно сама не готовит... то есть не готовила. А как эту вашу «Элизу» увидела, теперь не уходит с кухни.

– А кухарку куда дели? – пошутил Валентин.

– А куда ж ее девать? – с серьезным лицом ответил директор ТСЖ. – Там же на кухне орудует. Она готовит, а жена наблюдает и руководит.

На первом этаже располагались еще гостевая комната и котельная. Директор ТСЖ начал объяснять, как включать и отключать газовый котел, как работает автоматика, но потом махнул рукой.

– Я вам лучше пришлю нашего работника, который у вас его запустит, проверит на предмет безопасности... Только учтите, он немного странный. Молчит по большей части.

– А как тогда он объяснять будет?

– Нормально. Никто пока не жаловался. Он, кстати, на все руки мастер. У нас ведь тут и электрики, и водопроводчики в штате имеются, но все жители почему-то всегда зовут именно его. Он даже телевизор или компьютер может отремонтировать.

– Ценный кадр! – оценил Валентин, подойдя к лестнице, ведущей на второй этаж.

– Так и есть, – без всякой иронии согласился Олег, – когда пришел наниматься, то я отказал сразу, уж больно непрезентабельно он выглядел. Почти как бомж, ей-богу. Да еще попросил каморку выделить для проживания, потому что, как оказалось, у него своего угла нет. Я отказал поначалу, а потом предупредил, что с испытательным сроком возьму, пока нормальных людей не найду. А потом увидел его способности и о других уже думать перестал. Живет он в домике охраны. Там десятиметровая комнатка, и он в ней обитает.

На втором этаже был широкий коридор, похожий на небольшой холл, из которого вели четыре двери.

– Все спроектировано именно так, как заказывал ваш муж. Две спальни с гардеробными и ванными комнатами, кабинет и детская. Детей пока нет, как я понимаю?

Марина кивнула молча.

Она не задавала никаких вопросов, потому что ей нравилось все. Это был дом, о котором она мечтала, а вернее, о котором даже мечтать не могла. Здесь у нее даже свой кабинет будет. А в городе в их трехкомнатной и не очень маленькой квартире кабинета не было. Были гостиная и две спальни. Две, потому что они давно уже спали в разных кроватях. Валентин возвращался поздно, часто она уже лежала в своей постели, когда он приходил. Он уставал на работе, и сон у него был очень чуткий. И если уж муж просыпался, то не мог заснуть до самого утра. А Марина по ночам брыкалась, словно во сне бежала куда-то – так, по крайней мере, утверждал Валентин.

Марина немного обижалась сначала: ей казалось, что если супруги не разделяют ложе, то тогда и семья какая-то неполноценная. Но потом смирилась. Конечно, когда не спят вместе, это не очень хорошо, а когда еще и секс случается редко, то это вообще... Но Валентин любил ее. Просто он относился к этому важному делу с небольшой охотой – от усталости, наверное. И вообще он немного суров. Ему немного не хватает нежности и чуткости, зато он выглядит брутально, как считают некоторые женщины. Работал муж и в самом деле на износ. С нуля создал такую фирму, которая и лес сама валит, а потом распиливает бревна на брус и доски, продает, а еще мебельные щиты изготавливает, сама проектирует мебель, собирает ее, а потом продает – есть три собственных фирменных салона, и в ближайшем будущем будет еще два: на юге страны и на Урале. Мужу не хватает чуткости? Но дом-то он купил. И какой дом!

А теперь Марина смотрела в окно на свой участок и на соседний, где за забором светился отраженным солнцем бассейн, в котором плавали облака, а по бортику бассейна прыгала сорока.

– А домашние животные у вас имеются? – поинтересовался директор ТСЖ. – Я почему спрашиваю, потому что здесь кошкам и собакам разным простор. Для кошек мышек не так уж и много. В домах грызунов нет. Но каких-то мышей кошки себе на закуску приносят, как хозяева рассказывают. Может, они в лесу их ловят. До леса всего пара десятков метров – можете посмотреть в окно и убедиться.

Они обошли весь дом и снова вышли во двор. Директор ТСЖ задерживаться не стал. Марина присела на качели и стала тихонько раскачиваться. Подошел муж и опустился рядом.

- Как тебе?

- Разве это может не понравиться?

Валентин кивнул.

- Я тем не менее переживал. Так что не зря полмиллиона баксов истратил.

- Полмиллиона? - не поверила Марина. - У нас было столько денег свободных?

- Наивная! Конечно было и еще осталось. На «Катарину Ленц» из Европы пошли заказы. Ты - молодец.

На качелях качались недолго.

Валентин поднялся и спросил:

- Здесь останешься?

- Ты куда-то собрался? - удивилась Марина тому, что у мужа в такой радостный день могут быть какие-то дела. Тем более что суббота.

- Прости, но у меня встреча с новым клиентом, - ответил он. - Оптовик приехал из Ростова, хочет стать нашим региональным дилером. Посидим у него в гостинице, обсудим перспективы. Потом поужинаем, и я вернусь. Не скучай без меня. Кстати, если проголодаешься, в холодильнике все есть. Я специально сюда заезжал вчера вечером и загрузил все, что ты любишь.

Он поцеловал ее и направился к автомобилю.

Так же, как будто сами по себе, поехали в стороны створки ворот.

Опустилось стекло боковой двери. Валентин помахал ей рукой, улыбнулся и отправился на деловую встречу. Вообще-то она может побыть и одна: такой день надо пережить в памяти еще раз и чтобы никто не мешал. Пусть муж занимается своими делами. Хотя дела у них, конечно, общие, но бизнес все-таки его. Она просто помогает ему. А он исполняет все ее желания.

Она только подумала о своей собственной машине, даже не успела ничего сказать ему, а он уже купил новую модель «Шевроле», на которой сейчас и уехал. У него служебный «Мерседес», которым он сам не управляет, а есть водитель – немногословный и очень исполнительный.

Она мечтала о доме – и вот этот дом, за которым начинается лес. Не лес даже, а самый настоящий сосновый бор. Где-то рядом пляж, милые соседи, которых почему-то не слышно. А может быть, так и надо жить, чтобы никого не замечать – только красоту вокруг и свежесть запахов, прилетающих из соснового леса.

Лужина подошла к калитке, приоткрыла ее и выглянула на улицу.

Улица была пуста, если не считать кошки, пробегающей вдоль забора. Потом кошка нашла известную только ей лазейку и нырнула туда. Марина вышла на улицу и решила пройтись немного, чтобы получше рассмотреть окрестности. Директор ТСЖ говорил, что есть пруд и пляж, но, когда проезжали по поселку, она ничего похожего не видела.

Она прошла мимо дома банкира, потом мимо дома писателя, прошла еще немного, как вдруг из-за угла выскочил человек в шортах и с полотенцем на шее. Седые волосы его были мокрыми.

– Здравствуйте, – сказала ему Марина.

Мужчина, как видно, не ожидал, посмотрел на нее в недоумении, но потом, очевидно, пришел в себя и спросил:

– Откуда ты, прелестное дитя?

– Я теперь ваша соседка, – объяснила Марина, – вон, видите: калитка отворена, там как раз наш дом.

– А я вот здесь обитаю...

Мужчина показал на забор писательского двора, но Марина и без того уже узнала, кто перед ней.

– На прудик наш сбегал, окунулся, – объяснил Карсавин, – сразу как-то свежее стало.

– То-то вы Русалочку вспомнили.

– О-о, – оценил писатель, – какая образованность! Пушкина читали. А помните, как начинается эта драма?

Марина улыбнулась и пожала плечами.

Карсавин откинул руку с полотенцем в сторону и продекламировал, понизив голос:

Уж то-то вы, все девки молодые,

Все глупы вы. Уж коли подвернулся

К вам человек завидный, непростой,

Так должно вам себе его упрочить.

А чем? Разумным, добрым поведением.

И, не делая паузы, он произнес своим обычным голосом:

– Меня Иваном зовут.

– А я – Марина.

– Морская, значит, – покачал головой писатель. – Хорошее имя для русалочки. Кстати, вы сегодня что делаете?

– Пока жду, когда подъедет муж.

– Дождетесь – приходите ко мне оба на шашлыки. А не дождетесь – приходите одна. Второй вариант предпочтительнее.

– Одна вряд ли приду. А у вас наверняка много народу будет.

– Не знаю. Издатель Буховцев с женой – точно придут. Потом Максим, это с другой стороны от вас. Окатыш обещал заглянуть. Вы его не бойтесь, это он на сцене такой грозный, а вообще Вадик – скромный человек, мы с ним встречаемся и о литературе беседуем, когда он не в разъездах.

Они остановились возле калитки писательского дома.

– Не знаю, приду ли, – покачала головой Марина. – Простите, Иван... а как отчество?

– Просто Иван. Для некоторых Ваня. Но это только для Буховцева, с которым мы знакомы уже лет двадцать, и для Вадика Каткова, с которым общаемся не так давно, но как-то сблизились. Так что приходите.

Писатель уже открыл калитку, хотел войти, но, очевидно, что-то вспомнил.

– Вчера Вадик прочитал мне свое новое стихотворение. И как-то оно во мне отразилось и теперь крутится-крутится в сознании. Хотя помню всего несколько слов. Хотите послушать?

Марина кивнула.

А Карсавин уже нормальным голосом прочитал:

Как тяжело приходит утро,

Когда мы еле дышим оба.

И мир скрипит. Скрипит, как будто

Живой мертвец встает из гроба[5 - Стихи автора.].

Марина даже поежилась.

- Страшные стихи.

Писатель махнул рукой и рассмеялся. Потом объяснил:

- Это Вадик написал о старой скрипучей кровати.

Он помахал рукой и вошел на свой участок.

Марина подумала немного и решила продолжить поиски пруда. Теперь она знала направление.

Пруд оказался не таким уж большим. Он был квадратным – метров пятьдесят и в длину, и в ширину. Пляжа видно не было, то есть он был, разумеется, но никакого песочка или гальки – вокруг пруда был только сплошной стриженный и примятый телами газон.

Стоял и шатер, заглянув в который Марина увидела барную стойку и большой телевизионный экран на стене. Пять или шесть столиков, за одним из которых сидели две дамы лет сорока и пили пиво из пластиковых бокалов.

Заметив незнакомку, они не стали ее разглядывать, а сразу поздоровались. Впрочем, и взглядов не отвели.

Тогда Марина подошла к ним и назвала себя, сказав, что теперь она тоже жительница этого поселка...

Женщины тоже назвали себя: Люба и Виолетта.

- Пиво пьете? – спросила Люба.

- Нет.

– Ну, тогда мне развеселить вас нечем, – вздохнула новая знакомая, – но по вечерам здесь бывает караоке. Так что заходите.

– А я и не пою.

– Так не петь приходите, а чисто поржать. Тут никто петь не умеет. Зато весело.

Марина посидела с ними немного. Потом позвонил Валентин и спросил, как дела.

– Гуляю по поселку. Знакомства завожу. Карсавин пригласил нас вечером на шашлыки.

– Обязательно буду. Но только задержусь немного. Так что иди к нему одна, а я позже подъеду. Только не забудь, что газовый котел надо подключать.

– Ой, – вспомнила Марина, – Олег ведь хотел кого-то прислать. Вдруг работник пришел, а у нас никого.

Она извинилась перед обеими женщинами и поспешила.

– Привет писателю, – крикнула вслед Люба.

Глава 5

Без мужа Марина не собиралась, конечно, ходить в гости. А Валентин все не звонил. И человек от Олега не приходил. Время тянулось, и ничего не менялось.

Она снова вышла из калитки на улицу и увидела велосипедиста, который не спеша ехал в ее сторону. Это был человек в голубой спецовке. Он подъехал, остановился рядом и спросил:

– У вас котел подключать?

Марина кивнула и повела его в дом. Где находится котельная, мужчина знал, сразу направился туда. Было ему под сорок, то есть почти ровесник Валентина, но, конечно, выглядел иначе. Он был не толст и не худ, не седой и не лысый, не высокий, не коротышка, но показался Марине каким-то пришибленным.

Она сидела в гостиной и наблюдала за дверью котельной, которая выходила в прихожую.

Вскоре работник управляющей компании вышел, молча направился на кухню, включил газовую конфорку на плите, а потом воду.

– Котел двухконтурный, – обратился он к хозяйке дома, – то есть обогревает и воду, и радиаторы, проще говоря, батареи. Давайте я покажу, как с ним обращаться.

– Я все равно ничего не пойму или не запомню. Мужу потом объясните – это его вотчина.

Мужчина пожал плечами и пошагал к выходу. Марина провожала его, а когда спускались с крыльца, раздвинулись ворота, на территорию въехал сверкающий полировкой красный «Блейзер» и остановился. Валентин не стал выходить, молча сидел и наблюдал, как мимо автомобиля проходят работник в спецовке и жена. Работник ТСЖ бросил на него быстрый взгляд и как будто не заметил – не поздоровался даже. Да и Валентин не произнес ни слова.

Когда жена затворила калитку, он наконец вышел из машины.

– Кто это был?

– Газовщик, – ответила удивленная Марина, – Олег же обещал прислать.

– И ты впустила его в дом? А вдруг это...

– И кто же? – не выдержала Марина. – На нем спецовка, потом директор предупредил. Кстати, он хотел показать, как пользоваться котлом.

– Я умею пользоваться газовым котлом, и ты тоже сама научишься: там ничего сложного нет. Нажала кнопку, и все, а если...

Муж говорил нервно, и Марина не понимала, почему он так переживает.

– У тебя что-то случилось? – спросила она. – Встреча сорвалась?

– Все прошло отлично. Но не в этом дело... Этот, который приходил, сказал, как его зовут?

– Может, и говорил, но я не помню. Кажется, он не представился. Я тебя ждала, потому что мы приглашены.

– Я не забыл, – сказал он. – Сейчас лицо ополосну, и мы пойдем. Кстати, я в квартиру заехал и кое-что из наших вещей прихватил. Два твоих чемодана я отнесу наверх. Извини, если помял что-то.

Пришлось открывать багажник, а потом заглядывать в чемоданы. Похоже было, что Валентин снимал с вешалки все подряд платья и так же доставал белье из ящичков комода. Спешил, судя по всему, но главное, что не забыл ее, а значит, любит.

Она сама потащила чемоданы к крыльцу, но тут появился муж и отобрал у нее тяжести.

– Ну, ты совсем, что ли?

И как раз в этот момент ветерок донес до них ароматный дымок.

– Надо спешить, – сказал Валентин, – а то мы останемся сегодня без ужина.

Он поднял чемоданы в комнату, предназначенную для кабинета жены, – необжитую, но наполненную не только мебелью, но и всякими побрякушками на полочках: коллекцией морских ракушек разного размера, бронзовыми подсвечниками, фотографиями в рамочках и слэбами с монетами. Очевидно, оформлением комнаты занимался сам Валентин. Не было только книг.

– Тьфу ты! – понял свою оплошность муж. – Надо было в твою спальню тащить. Просто не привык еще к этой планировке.

Он хотел снова поднять чемоданы, но Марина остановила его, сказав, что потом все сама разберет, а сейчас надо спешить. Она подошла к окну, отсюда, с высоты второго этажа, было видно многое: краешек леса, кусочек пруда с крышей пивного шатра, даже часть участка Карсавина с беседкой, изнутри которой шел дым. Возле беседки на скамеечке сидели люди: сам хозяин, рядом с ним его друг, популярный исполнитель рэпа Окатыш, он же Вадим Катков, еще какая-то женщина уместилась на скамье, и один гость стоял. Никто ничего не ел и не пил.

– Валя! – крикнула Марина. – Надо спешить: нас уже ждут, так что поторопись.

– Я уже готов, – прозвучал у самых дверей голос мужа.

Она стала вынимать из чемоданов свои вещи, чтобы что-то надеть, но все вещи показались ей слишком вычурными для дачных посиделок. Решила не задумываться и напялила на себя узкие джинсики, маечку с фривольной надписью на груди: «Don't touch that!» Маечка была куплена давно, еще в Италии, когда они с мужем после свадьбы решили совместить свадебное путешествие с посещением выставки мебели. Майка лежала и ждала своего часа, потому что Марина стеснялась ее надевать именно из-за надписи. Маечку купил Валентин, что удивительно, потому что он не понимал по-английски вообще.

А еще Лужина набросила на себя тоненькую курточку с капюшончиком на случай, если нападут комары, ноги засунула в белые кожаные кроссовочки... Вышла в коридор, где ее поджидал муж. На нем был джинсовый костюм. В руках Валентин держал бутылку виски.

– На всякий случай, – объяснил он, – и потом, неудобно просто так, с пустыми руками.

Они вошли на писательскую территорию. Никто их не встречал, никто даже не поднялся навстречу. Только хозяин помахал Марине рукой, как старой знакомой. И тут же продолжил разговор с другими гостями.

Но за то время, пока Лужины спустились со второго этажа, вышли со своего двора и прошли какое-то расстояние по дороге, компания увеличилась на одного человека. Теперь на складном шезлонге развалился плотный мужчина, которому было явно за пятьдесят. Вполне возможно, он был ровесником Карсавина, только выглядел немного помятым.

«Вероятно, тоже писатель, только не такой успешный, как Иван Андреевич», – подумала Марина.

Они подошли поближе, поздоровались с каждым. Марина представила мужа. Мужчина на скамеечке оказался издателем Буховцевым, женщина – его женой Леной, а тот, кто пришел позже и теперь сидел в шезлонге, назвал себя просто:

– Панютин, – и добавил: – С вашим мужем мы немного знакомы.

Помятым он не казался, просто льняной костюм ждал встречи с уютгом.

Карсавин продолжил свой рассказ.

– ...Так вот: на закате советской власти у меня должна была выйти первая книга. Мне и тридцати лет тогда не было. Собратья, если честно, завидовали. Коллеги по перу заранее начали книгу хаять. Потом вышла вторая. Но она уже никому была не нужна. Я какое-то время не писал вовсе, потому что надо было бороться за жизнь, за пропитание и прочие необходимые телу вещи. Время шло, с нищетой свыкся и как-то решил снова вернуться к тому, что требовала душа. Стал отсылать творения в новые издательства. А там ведь ни одного знакомого редактора – все девочки какие-то везде на редакторских должностях, шлют мне ответы. И все ответы как под копирку: на вашу рукопись получены две рецензии, по которым нам стало ясно, что это ваши знакомые составляли, потому что таких хвалебных отзывов нормальные специалисты не пишут. Тем более что они вашу рукопись назвали лучшими страницами постсоветской прозы. Но эти страницы они не указали, кроме того, советской прозой мы не занимаемся из-за тематической направленности издаваемой нами литературы. Ответы, кстати, приходили с грамматическими ошибками. И вот я набрался наглости и отправил

одну рукопись в американское издательство. Тоже: ни ответа, ни привета. А потом вдруг звонок по телефону, и очень неприятный голос на русском и как будто с деланным американским акцентом начинает впаривать мне, что книгу они готовы издать и мне экспресс-почтой уже отправлен текст контракта на издание. Я сразу понял, что это розыгрыш. Едва сдержавшись, поинтересовался, какой будет тираж. Мне отвечают, что десять тысяч в твердом переплете, а потом в мягком не менее тридцати. Мне надоело кривляться, и я послал шутника трехэтажным. Но на следующий день принесли экспресс-посылку с контрактом. Я подписал и отправил обратно. Книжка вышла на английском языке, разумеется, потом вторая. Потом появились обо мне в западной прессе статьи, что я поднял постмодернизм на новую высоту, что я выражаю чувства потерянного поколения и тому подобное. И тут как посыпались мне предложения от наших издательств! Но я пришел к Вите Буховцеву, который однажды мне дал в долг и не требовал отдачи, подписал с ним договор на все, что когда-либо напишу.

– Так все и было, – подтвердил издатель, – в свое время я пришел домой к Ване, с которым в ту пору не был даже знаком, хотел попросить у него право переиздать ту самую первую его повесть, которая называлась «Да пошли вы все...». Ваня сидел и пил пиво, предложил мне присоединиться. Я спросил, с какой радости пьем, и он ответил, что от него только что ушла жена, о чем он мечтал все семь лет их брака. Пили мы с ним пиво, потом водку, а я, если честно, убежденный трезвенник. Уснул тогда почти сразу за столом, а утром наш будущий классик проводил меня на метро и попросил тыщу баксов. Это было в те времена, когда тысяча была тысячей, мое издательство горело синим пламенем, а у Вани на Западе еще не вышло ни одной книги.

– Господа, – объявил Вадим Катков, – вы все только что выслушали рассказ о настоящей мужской дружбе. А вообще мы тут хотели обменяться историями, как каждый из нас дошел до жизни такой. То есть до жизни в этом поселке. Про себя я скажу следующее. Я всю жизнь, сколько себя помню, пишу стихи... Или пытаюсь писать. И, скорее всего, меня ждали прозябание и нищета. Пушкин из меня в любом случае не получился бы. И вдруг я подумал: ведь у меня почти законченная музыкальная школа по классу баяна. А почему бы не спеть? Голосом я не вышел, и что мне оставалось? Только то, чем занимаюсь сейчас. Так я обманул судьбу, и теперь я здесь.

Окатыш посмотрел на Валентина, очевидно, призывая и его к такой же откровенности. Но тот молчал.

Зато начал говорить сидящий в кресле мужчина в мятом льняном костюме.

– Со мной еще проще. У меня банковское образование, я хороший специалист, и потому, когда учредители банка «Ингрия» искали руководителя для своей финансовой организации, выбор пал на меня. До сих пор оправдываю надежды серьезных людей.

– А почему ваш банк так называется? – спросила Марина. – Просто я любительница истории и немного знаю про эту республику.

– Удивительно, – воскликнул банкир, – никто мне такого вопроса прежде не задавал. Просто наш самый большой учредитель родом из здешних мест. Из поселка Куйвози, если точно, он-то и помог Олегу Хепонену приобрести этот участок, на котором стоит наш поселок. Место, как вы сами понимаете...

– Погодите, – остановил его издатель Буховцев, – я все равно ничего не понимаю. Какая республика, что за Куйвози?

– Сто лет назад, в девятнадцатом году, – стала объяснять Марина, – жители пяти деревень, которые нас как раз окружают, и беженцы из других деревень собрались на народный сход в деревне Куйвози и объявили о создании своей собственной независимой светской парламентской республики Северная Ингрия. Это было сделано в ответ на репрессии, которым подвергли некоторых жителей. Естественно, советская власть двинула на них свои войска. Их встретили ополченцы. Бои были кровопролитные, и Красная армия отступила с большими потерями. Финляндия предложила новой республике помощь, но граждане Ингрии от нее отказались. Целый год... даже больше существовала народная республика. У нее были свой герб, свое государственное знамя, гимн, своя валюта, система налогообложения, свои законы и свой суд. Они выпускали свои почтовые марки, цены на которые сейчас просто астрономические. Даже свой военный флот у них был: к республике присоединились приладожские деревни, рыбаки установили на своих шхунах пулеметы и стали охранять морские рубежи нового государства. К сожалению, продержалась республика недолго. Часть жителей ушли в Финляндию, живут они там компактно и финское гражданство не принимают, считая себя гражданами давно не существующей Северной Ингрии.

– Именно так, – подтвердил банкир, – хочу только добавить, что граждане Северной Ингрии очень трудолюбивы и рачительны. А главное, они умеют выгодно вкладывать свои капиталы.

Он замолчал и посмотрел на мужа Марины.

– А теперь, уважаемый Валентин Минаевич, расскажите, как вы стали владельцем известной немецкой марки производителей мебели.

– Сам не пойму, – ответил Лужин, – просто заключил договор с владельцем немецкой фабрики на поставку древесины, потом добился от него согласия на производство кухонной мебели в России. Дело пошло. А потом господин Ленц предложил мне обменяться нашими акциями и заключить договор, по которому каждый в случае смерти партнера наследует его акции, чтобы фирма не была распродана и не перекуплена конкурентами. Господин Ленц был в годах, но собирался жить очень долго. Он занимался яхтенным спортом, горными лыжами, не курил и не пил... Но человек предполагает, как говорится, а бог располагает. Несколько лет назад яхта, на борту которой были господин Ленц и его жена, попала в шторм. Обломки яхты выбросило потом на берег. А тела так и не были найдены.

– Печально, – сказал банкир.

– Он был очень хорошим и приветливым человеком, – дополнила рассказ мужа Марина.

И вздохнула.

– Шашлыки, – закричал Карсавин, – мы совсем про них забыли!

Он ринулся к мангалу, а издатель, позвав в помощь банкира, начал вытаскивать из беседки раскладной стол. Потом на этот стол принесли блюдо с шашлыками и тарелки с закусками. Валентин поставил на него принесенную бутылку, которая оказалась на столе не единственной.

– Надо же! – удивилась Марина. – А меня уверяли, что здесь все жители трезвенники. А я уже встретила двух любительниц пива.

– Наверняка это были Любаша с Виолеттой, – предположил банкир, – это жены моих заместителей. Но это они так пижонят, чтобы продемонстрировать свое единение с народом. Пиво, насколько мне известно, обе переносят с трудом, предпочитая, как и мы сегодня, благородный виски. Люба – бывшая балерина, а Виолетта – врач-диетолог.

– Лучший виски, что я пробовал в жизни, делают как раз в Куйвози, – подключился к разговору писатель, – зовут умельца Васей, и как ему это удастся, непонятно: в дубовых бочках он свой товар не выдерживает, а привкус хереса в его продукте все равно имеется. Можно завтра к нему сгонять и взять на пробу.

Сидели до глубокой темноты.

Было очень весело, и Марине вдруг показалось, что окружающие ее люди станут друзьями ей и ее мужу на долгие-долгие годы. Жить здесь будет всегда весело, все будут собираться время от времени на подобные незапланированные вечеринки. Будут звучать шутки, будут рассказываться увлекательные истории, не будет никаких неприятных эпизодов, злости, зависти и обид.

Рэп-исполнитель читал свои стихи, так не похожие на его песни.

Над крышей дома птица пела,

Сверкали росы по утрам,

Калитка радостно скрипела,

Когда входили гости к нам...[6 - Стихи автора.]

Лужины возвращались домой не спеша по освещенной фонарями улице.

Когда вошли на свой участок, над ними были только звезды. Тень падала от дома, накрывая собой и газон, и качели, и стволы сосен. Только кроны светились отраженным светом уличных фонарей.

Марина обняла мужа, крепко прижавшись к нему:

– Как я тебя люблю, – шепнула она.

Он промолчал, а потом произнес:

- Надо нам тоже во дворе какой-нибудь светильник поставить.

Вот так закончился первый день их загородной жизни.

Глава 7

Ровно шесть лет назад Марина окончила художественно-промышленное училище по специальности «Оформление интерьеров и дизайн мебели». С работой, правда, было туго. Но она сразу нашла два заказа на оформление квартир. Сделала эскизы, показала заказчикам. В первом случае прошло без замечаний, а во втором жена заказчика внесла свои коррективы: «Обои должны быть розовыми во всех комнатах... Хотя нет – в одной можно сиреневые сделать... А в спальне – зеркальный потолок... В гостиной должен быть уголок для караоке и обязательно подиум для демонстрации новых туалетов подругам...»

Марине выдали небольшой аванс, а оставшуюся часть обещали сразу после окончания перестройки. Пришлось ждать и даже контролировать рабочих, которые никуда не спешили. Но, как бы то ни было, работы были завершены. Первый заказчик по телефону сообщил, что сейчас находится за рубежом, вернется через две недели и сразу рассчитается. А во втором случае жена заказчика устроила скандал, потому что, на ее взгляд, стены получились не розовые, даже не сиреневые, а просто противные, к тому же подиум очень низкий, а в зеркальном потолке спальни мало что отражается, и вообще зеркало там какое-то кривое. Дама потребовала переделки и отдавать оставшуюся сумму отказалась.

Заказчик с заграничного курорта так и не вернулся, а в обновленную квартиру въехал совсем другой человек, не имеющий даже представления, кто такая Марина и за что он должен платить... Все было очень грустно. Как-то она возвращалась домой – в квартирку, в которой ее никто не ждал, разве что пустой холодильник. Увидев почтовый ящик с номером своей квартиры, открыла дверцу, откуда сразу посыпались рекламные буклеты. Она подняла их с

бетонного пола, прихватила, чтобы выбросить дома в мусорное ведро, но, когда вошла в лифт, увидела на одном из листочков объявление «Требуется дизайнер мебели» и номер телефона.

Заскочив в квартирку, позвонила сразу. Мужской голос назвал адрес, куда она должна будет приехать на собеседование. Собеседование назначили на следующее утро. Добираться пришлось почти два часа: на маршрутке, на метро через весь город и снова на маршрутке в промзону, где стояли одинаковые ангары, а все подъезды к ним были забиты строительным мусором, старыми холодильниками, металлическими дверями из новостроек, обрезками прутков арматуры. Вокруг всего этого суетились смуглые люди и предлагали купить что-нибудь из этого хлама. Мебельная фабрика размещалась в одном из таких ангаров.

Директор уже ожидал Марину. Он завел ее в какую-то клетушку, служившую ему кабинетом, и начал расспрашивать, где она училась и что уже успела сделать. Директором был молодой человек в хорошем костюме, но в мятой рубашке без галстука. Он выслушивал ее ответы молча, дополнительных вопросов не задавал, а потом решил показать свою продукцию. Они зашли на склад, и Марина замерла:

– Это же немецкие кухни, – сказала она, – не буду гадать, что за фабрика, но похоже на «Ленц».

– Так и есть, – согласился молодой человек, – я и есть «Ленц», то есть господин Уве Ленц, конечно, совсем другой человек. Но он мой деловой партнер. Я представитель его фабрики в России. Поставляю ему древесину, а теперь вот решил открыть здесь еще и производство, потому что тут и себестоимость ниже, и на транспортных расходах можно сэкономить. Зачем гонять лишний раз фуры туда-сюда? Я здесь произвожу его мебель и здесь же продаю... Надеюсь, дело пойдет.

– Кухни «Ленц» пользуются хорошим спросом.

Молодой человек покачал головой.

– Пользовались. Спрос на них в Европе резко упал, потому что нет новых моделей, а эти хоть и качественные, но уже устаревшие. Вот я и решил что-то

изменить. Старик Ленц против всех новшеств. Он решил, что трудности временные, а потому вкладываться в какие-либо перемены не собирается. Поэтому мне пришлось влезать в долги, брать кредиты, и все потому, что мой уважаемый немецкий партнер даже оборудование мне передал не бесплатно. Дорого не просил, но работать на этих станках долго уже не получится. Он это знает и подвигов от меня не ждет. Даже если я и прогорю, он не посочувствует даже – найдет нового партнера.

Марина ходила с директором по цеху, внимательно все осматривая, понимая, что раз ей устраивают подобную экскурсию, то, скорее всего, могут взять на работу. Станки и в самом деле были старые, но материалы на производстве были первоклассные. Мебельные щиты из натурального ореха, ясеня, вишни и даже граба.

По поводу граба у Марины возникли сомнения. Она так и сказала, что использовать это дерево неэффективно. Мебель из него делать нельзя, разве что музыкальные инструменты.

– Граб я на Украине взял: на шпон пойдет, – объяснил молодой человек. – Просто очень дешево предложили.

Тут она подумала, что вопрос этот директору не понравился, а может, не понравилась она сама, потому что не была убедительной. А когда, как ей показалось, разговор был закончен, поднялась и начала прощаться.

– Все вроде я вам показал, – кивнул молодой человек, – а когда вы мне сможете предъявить парочку своих проектов?

Лужина молчала, но он понял все правильно.

– Подойдет мне или нет, но работа будет оплачена. А если пойдет в серию, посажу вас на зарплату.

Договорились, что она приедет к нему с проектами через неделю.

Рисовать все пришлось вручную, потому что компьютерная программа использовала готовые фасады, а Марина решила сделать что-то новое. Сидела

за своим рабочим столом и ощущала себя первокурсницей, которая учится делать отмычки, гоняя капли с краской так, чтобы не было подтеков на изображенной поверхности. За неделю подготовила два проекта. Но этого ей показалось мало, и тогда она решила прихватить свои курсовые проекты. Выбрала парочку, которые ей самой нравились более всего. Вспомнила, что опять придется тащиться через весь город, только на этот раз с огромной папкой. На всякий случай позвонила директору фабрики и сообщила о своих трудностях.

- Да не вопрос, - ответил тот, - завтра вечером подъеду.

Он приехал. Все в том же костюме и в такой же мятой рубашке - на сей раз в другой.

Проекты были разложены на полу, как во время подачи в училище. Молодой человек ходил и внимательно рассматривал.

А потом сказал:

- Мне нравится все. Особенно вот это. Кухня похожа на древний буфет.

- Это и есть голландский буфет начала двадцатого века, - стала объяснять Марина, - только я его растянула до четырех метров. Фасады, конечно, требуют дополнительного декора - резьбы, например.

- Да не вопрос, - сказал директор. - У меня есть специалисты - резчики по дереву. Значит, решено: делаем именно такой пробный гарнитур. Даже два. Один отправляем в Германию. А второй неплохо бы выставить в каком-нибудь мебельном салоне и принимать на него заявки, чтобы изучить спрос.

Самое удивительное последовало потом.

Немецкий партнер прислал заказ на пятьдесят комплектов. Чуть меньше поступило заявок из мебельного салона. Тот первый кухонный гарнитур Лужина назвала «Марина Ленц». И потом все последующие стали носить женские имена. И дело пошло.

Конечно, все это благодаря ее мужу. Все благодаря Валентину, благодаря его деловой хватке. А ведь она колебалась, когда он сделал ей предложение. Причем сделал это очень неожиданно, хотя Марина догадывалась уже, что нравится ему. Но что он вот так, войдя в ее тесный кабинетик в том самом ангаре, положит на стол букет алых роз и скажет: «Выходи за меня замуж», – не ожидала. Растерялась даже. Но он достал из кармана бархатную коробочку и протянул. Внутри было небольшое колечко с изумрудом.

Видя ее колебание, Валентин произнес:

– Подумай, а мне сейчас надо идти. Там эти ухари новую шлифовальную машинку угробили.

Вообще, деловая хватка у Валентина была. Еще какая хватка!

Его бизнес начался с обычной делянки, то есть с участка леса, выделенного под рубку. Валентин получил определенное количество кубометров древесины, но не стал спешить, как все, продавать кругляк, а напилит досок и продал продукцию уже значительно дороже. Потом со следующей делянки он получил уже куда большую прибыль, начав делать рамы и мебельные щиты. Потом познакомился с каким-то украинцем, который предложил ему сто кубов дубовых бревен. Предложил очень недорого, а древесина эта оказалась поистине золотой: во-вторых, диаметр всех бревен был около метра, а для изготовления дорогой мебели это то, что нужно. Пришлось, правда, долго выискивать потребителя на такую партию в Европе. И первым, кто откликнулся на предложение, был немецкий предприниматель Уве Ленц, немного говорящий по-русски. Так началось их сотрудничество.

А когда Валентин решил открыть производство европейской кухонной мебели в России, немецкий партнер попросил для себя половину акций будущего предприятия. Валентин согласился отдать их в обмен на десять процентов акций старой немецкой фабрики.

Ленц только рассмеялся в ответ на такое предложение. Но потом, когда получил из России новую мебель, вернулся к этому вопросу сам. Приехал и сказал: «Пять в обмен на твои пятьдесят». Валентин отдал сорок своих на семь с половиной его. Правда, Уве подумал какое-то время, но согласился: он давно уже посчитал, какую выгоду ему может принести новое производство.

Валентин рассказал о сделке Марине, и та удивилась, потому что муж до той поры казался ей скромным и абсолютно простым работягой, который может сам встать к станку, может сидеть вечером с бухгалтером, чтобы вникнуть в квартальный отчет. Может даже с грехом пополам, но все же составить бизнес-план, но чтобы вот так вести деловые переговоры с западным партнером – такого даже представить было нельзя. Но, как выяснилось, Валентин умел просчитывать все.

Он, вероятно, и будущую жену просчитал. Просчитал ее реакцию на его предложение о замужестве. Знал, что у нее никого нет. Знал, что она для того, чтобы приезжать на эту работу без опозданий, сняла маленькую студию неподалеку, а свою квартиру сдала. Иначе пришлось бы тратить каждый день четыре часа на дорогу туда и обратно. Машины у нее не было, да она и не умела тогда управлять автомобилем...

Букет тогда остался на столе, а он ушел, чтобы проверить, что стало с копеечной вообще-то машинкой. Потом вернулся и спросил:

– Ну как?

– Я подумаю еще, – ответила Марина.

– Думай. Но я вчера говорил с Уве. Он собирается участвовать в Миланской выставке мебели в этом году. Наши проекты он уже загнал в каталог. Так что было бы здорово совместить свадебное путешествие в Италию с участием в этой выставке. В немецком я слабак, и хотя понимаю немного, но сам сказать не могу, а у тебя с английским нет проблем. Съездим туда, отдохнем и заключим контракты с Европой – напрямую, без Ленца.

Она ничего не знала о своем директоре, который вдруг так внезапно сделал ей предложение. То есть почти ничего не знала. Только однажды, когда они обедали вместе в каком-то не очень приглядном кафе, он сказал, что в его родном городе самый лучший ресторан – страшнее этого в тысячу раз.

Он родился и вырос в Пореченске – в городе, название которого Марина раньше не слышала. Да это и не город вовсе, как выяснилось, а поселок городского типа, в котором обычная пятиэтажка – уже небоскреб. Так сказал Валентин. Его семья жила в двухэтажном кирпичном доме на четыре квартиры. Отец работал

на лесоповале, а мать в столовой поваром. Но он не хотел говорить о них – может быть, стеснялся своего простого происхождения. После школы служил два года. Вернувшись, тоже пошел на лесоповал, но потом понял, что гораздо выгоднее сбывать контрабандный украинский лес, чем он поначалу и занялся. Подкопил немного денег и взял свою делянку, а потом пошло и поехало. Не работал, а вкалывал, и заочно учился в лесотехнической академии. Времени ни на что не оставалось. Говорил, что учеба давалась с трудом, но все же осилил.

Он даже был женат. Женился на однокласснице, которую любил с детства. Прожили вместе три года, а потом она трагически погибла как раз перед самым трехлетием их свадьбы. Он отправился в магазин за фруктами к столу, а она решила поправить штору, встала на подоконник, не сняв туфельки на высоком каблуке, нога подвернулась, и она полетела вниз с верхнего этажа одной из немногих в городке пятиэтажек, в которой они снимали квартиру. Он вернулся, а внизу уже стояли люди. Его жена так и лежала, зажав в кулаке штору, за которую пыталась уцепиться.

Он рассказал об этом один раз и больше никогда не вспоминал о той жизни. Сообщил только, что продал свой бизнес в Пореченске достаточно удачно и уехал в Петербург, чтобы начать с самого начала, но уже со старыми связями. В город своего детства после этого он уже не возвращался, и желания посетить прежние места у него никогда не возникало...

Он сказал про свадебное путешествие, про выставку мебели, посмотрел на нее внимательно.

Марина опустила глаза, потому что не выдерживала его взгляда.

– Да, – ответила она тихо, – я согласна.

Валентин поцеловал ее, сказал, чтобы она примерила колечко, потому что он не знал точного размера. Не стал смотреть, как она примеряет подарок, и отправился в цех. Колечко оказалось почти впору – разве что чуть-чуть великовато.

Ночью она лежала в своей постели, раздумывая о том, что произошло, правильно ли она поступила, согласившись так быстро. Но Валентин не вызывал у нее никаких отрицательных эмоций.

Она не любила его со всей страстью, как полагается невесте, но он ей был не противен и даже иногда нравился. Нравилась его уверенность, вдумчивость и смелость в принятии решений. Вероятно, он во всем такой. Но все равно подумать было надо, потому что уж больно быстро она согласилась.

За окном застыла ночь. В комнате темно и тихо. В чужой квартирке стоял устойчивый старый запах, который нельзя было выветрить или забить какими-то освежающими дезодораторами – постоянный запах прокисшего борща.

Почему этот запах такой стойкий и откуда он взялся здесь? И неужели так будет всегда, если она не выйдет замуж? Будет постоянная неустроенность, все та же старая квартира или такая же старая, но съемная, постоянное отсутствие денег, редкие заказы – дизайнерские проекты ремонта и перепланировки квартир, за которые никто никогда ей не заплатит, и никто не будет даже думать о том, чтобы заплатить.

Она лежала и размышляла, а потом решила, что правильно сделала, что дала согласие.

Через пару дней они подали заявление о регистрации брака. И в тот же день записались на курсы ускоренного изучения немецкого языка.

Свадьбу не праздновали. То есть отпраздновали, но без гостей. Марина только предупредила маму, что выходит замуж и что никакого застолья не будет, потому что не будет родителей жениха, а потому...

– Я все поняла, – сказала мама, – так, может, и лучше. И денег тратить не придется. Поздравляю от всей души.

Мама прислала подарок – постельное белье – и перевела сто тысяч рублей – огромные, по представлению мамы, деньги.

После смерти бабушки мама уехала в доставшийся ей по наследству домик. Хотя домик был оставлен Марине, но мама в шутку предложила поменять бабушкино наследство на их квартиру на Васильевском. Но затем ту квартирку пришлось продать и купить маленькую на окраине, чтобы закончить учебу, да и маме тоже приходилось нелегко... Потом и тот бабушкин домик снесли, но маме в порядке

компенсации за землю дали небольшую студию.

Свадебное путешествие было прекрасным. Особенно поразила выставка мебели. А еще Марине очень понравился немецкий партнер мужа. И она ему, судя по удивленному взгляду Ленца, понравилась тоже.

Они сидели рядом, когда заключали сделки, разговаривали на немецком, а Валентин понимал и только.

Перед самым окончанием выставки Лужины сидели в гостиничном номере и отдыхали. Пришел Ленц, опустился в кресло и сказал, что у него есть предложение. Даже не одно. Первое, это свадебный подарок лично для Марины – два с половиной процента акций его фирмы. А деловое предложение – дополнить пакеты акций. Уве хотел получить двадцать процентов русского предприятия в обмен на десять процентов своего.

Предложение было очень выгодным, но Валентин отказался. То есть отказался, но не наотрез. Объяснил, что дела у него идут в гору, а у Ленца «нах унд нах», то есть мало-помалу или едва-едва, а потому он готов отдать десять процентов своих в обмен на десять процентов немецких акций. Иначе это будет выглядеть как недружественное поглощение.

Ленц рассмеялся, потом посмотрел на Марину, вздохнул и согласился.

– Только есть один условие, – произнес он по-русски, – ты страхуешь свой бизнес, а мой уже застрахован. Ты страховать свой жизнь, а свой бизнес тоже. Если кто-то из нас будет умирать, то страховку жизни получать родственники, а страховка по бизнесу – тебе или мне. Будем посмотреть, кто из нас умрет первым.

Валентин помолчал немного и кивнул. И только потом спросил:

– Зачем тебе моя страховка моего бизнеса?

– Потому что я не хочу, чтобы наш общий бизнес умирать. Я умру, данке шон, а тебе зер шаде. Очень жаль, но фирма «Ленц» должен жить. И не важно, кто хозяин: ты или я. Как скажет бог, так и будет. О'кей?

- Их бин айнферштанден, - ответил Валентин.

- Это хорошо, что ты согласен, - улыбнулся Ленц, - но это будет все в случай, если ты меня познакомишь со свой дизайнер. Потому что это очень и очень большой перспектива для нас двух. Ферштеен?

И тут Валентин рассмеялся. Не просто хихикнул, а в голос и громко - так, что не мог остановиться. Смеялся дольше, чем позволено приличиями, и немецкий партнер удивился.

- Вас ист лос? - спросил он у Марины. - Я что-то смешной очень сказал?

- Давай контракт, и я подпишу, - произнес Валентин. - Мой дизайнер - это моя жена.

Уве шагнул к Марине, наклонился. Взял ее ладонь и прикоснулся к ней губами.

- Зер шаде, - произнес он, - очень жаль, что я уже такой старый и такой женатый.

Глава 8

Утро второго дня было солнечным. На небе не было ни облачка, и можно было не сомневаться, что весь день будет таким же ярким и ласковым. Кто тогда мог предполагать, что принесет вечер. Муж отправился на работу, что по воскресным дням случалось не так уж и редко. А вскоре пришел Карсавин.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Анатолий Иванен.

2

Анатолий Иванен.

3

Стихи автора.

4

Владимир Добряков.

5

Стихи автора.

Стихи автора.

Купить: <https://tellnovel.com/ekaterina-ostrovskaya/dveri-v-temnoe-proshloe>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)